

Время детское

Александр Шмаков

Александр Шмаков

Время детское.

<https://litres.ru/74414358>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если доброта может вырастить яблоню за ночь? Что, если враг отступает не от силы оружия, а от силы единства? Что, если маленькая свеча способна помирить братьев после трёх лет ссоры? И что, если даже в нашем «железном» веке обычный торговец может стать чудом для другого человека?

«Время детское» — это сборник философских сказок для семейного чтения. Вместе с героями — землепашцем Добромыслом, царём Берендеем, священником отцом Тихоном и простым торговцем Егором — вы пройдёте путь от Золотого века до наших дней.

Каждая история учит самому важному: слышать не только слова, но и то, что за ними стоит. Замечать чужую боль. Не бояться спрашивать. И помнить: даже когда чудеса становятся тише, одна добрая искра способна зажечь целый мир.

Для детей от 6 лет и их родителей. Для всех, кто верит, что добро сильнее зла, а честность важнее выгоды.

Откройте книгу — и вы вспомните то, что знали, но забыли.

Содержание

Добромысл и Век Истины.	4
Сын и яблоневое чудо.	5
Жена и песенное чудо.	8
Сосед и чудо доброго сердца.	10
Волхв и чудо прозрения.	12
Уход и завет.	14
Загадка для пытливого сердца.	15
Сравнение с сегодняшним днём.	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Александр Шмаков

Время детское.

Добромысл и Век Истины. Детская сказка с чудесами для золотого века.

Жил да был в Век Истины на русской земле простой землешек по имени Добромысл. С детства учили его родители видеть во всём живом душу, а в каждой беде — урок. Вырос Добромысл, возмужал и взял он в жёны Милонегу. Жили бедно, но согласно. И был у них сын Будимир.

Сын и яблоневоe чудо.

Однажды гонец от боярина прискакал: «Добромысл, к боярину немедля!» Мужики, которые видели гонца, перекрестились — обычно боярин зовёт либо к ответу, либо на работы срочные. А тут — ни то, ни сё. Добромысл пошёл, не взяв ни хлеба, ни оберега. В пути гадал: «Что сделал? Поле не затоптал, подати платил честно, соседей не судил. И вдруг холодок пробежал по спине: Будимир! Где сын?»

Утром он видел, как Будимир крутился возле боярского сада, но не придал значения.

Входит в хоромы боярские. Боярин сидит мрачный. Рядом — сторож из боярского сада с яблоком в руке.

— Знаешь, чьё это яблоко? — Боярин бросил плод на стол.

— Твоё, боярин.

— А знаешь, кто украл?

— Если мой сын — отвечу я.

— Не боишься?

— Боюсь, боярин. Но не тебя. Боюсь, что сын запомнит не правду, а страх. Дозволь слово молвить.

— Говори.

— Если накажешь кнутом, он запомнит боль и унижение. И затаит зло. Если велишь посадить десять яблонь на твоей пустоши — он запомнит, что справедливость не в батогe, а

в деле. Я сам посажу деревья вместе с ним.

Боярин помолчал, потом усмехнулся:

— А ты не прост, Добромысл. Ладно. Десять яблонь. И чтоб к осени. А сын пусть принесёт мне яблоко честное, когда на посаженном им дереве созреет.

Вечером дома Добромысл спросил сына:

— Будимир, что ты почувствовал, когда крал?

— Страх, батюшка. И сладкое тепло оттого что чужое стало моим в тот миг.

— А после?

— Стыд. И ещё... когда боярин простил, мне стало тяжелее, чем от любой порки.

— Верно, сын. Кнут бьёт по спине, а стыд — по душе. Кнут лечит тело, а стыд - душу, если признать его. Но скажи: зачем тебе было яблоко? Мы, ведь, не голодали.

— Мамка плакала вчера. Думал, если принесу сладкое — обрадуется.

Добромысл вздохнул, положил руку на плечо сыну:

— Ты хотел как лучше, а сделал криво. Запомни: добро, добытое кривдой, сгниёт быстрее мороженой клюквы. Хочешь порадовать мать — спроси меня. Вместе срубим ульи, заведём пчёл. Мёд слаще воровского яблока, потому что свой. Понял?

— Понял, батюшка. Только... ты не злишься?

— Чему злиться? Ты сам себя наказал стыдом. А я рад, что ты признался. Иди поужинаем. Завтра пойдём яблони

сажать — боярин велел, да и душе полезно. А потом и улыи справим.

Понял мальчик: добро, добытое краденным — не радость, а стыд.

А тут и первое чудо случилось. Посадили они десять яблонь на боярской пустоши, полили из ручья — и наутро, ещё до восхода солнца, все десять яблонь стояли в цвету! К полудню на них налились яблоки — золотистые, с розовым боком, и пахли так, что за версту слышно. Будимир сорвал одно, принёс боярину. Боярин откусил — и заплакал. Почему? Потому что яблоко было не кислым и не сладким, а честным. Боярин в тот же день простил людям все старые долги, перестал сечь провинившихся кнутом, а велел им сажать деревья или чинить мосты. И люди прозвали его Благоразумным.

А самое великое чудо: кто откусывал от яблока с тех яблонь сразу становился правдивым. Вор возвращал украденное, обманщик признавался, а хвастун замолкал. Долго потом по всей земле искали те яблони, но найти не могли. Только тот, кто сам хотел стать честным, вдруг видел в лесу ли, в саду ли золотой огонёк — а это яблоко само к нему в ладонь падало.

Жена и песенное чудо.

Вот однажды стал замечать Добромысл: жена не глядит в глаза, вздыхает, и всё больше молчит. Днём вроде бы всё, как всегда, а вечером сядет на лавку, смотрит в угол. Он спросил напрямую — она отмахнулась: «Устала». Но он не поверил. Чуюло сердце: не усталость это, а горечь, которую она прячет.

Через три дня сел рядом, взял за руку. Помолчал. И тихо сказал:

— Милонег, я не спрашиваю, что случилось. Я спрашиваю, почему ты молчишь. Разве мы не вместе?

Она всхлипнула и выложила всё: соседка пришла утром, похвасталась новым полушубком, а потом невзначай бросила: «Твой Добромысл — копейки не стоит. Вон, мой-то Ладонь уж и закрома починил, и свинью купил, а твой всё землю пашет-пашет, а у вас даже телеги нет».

— Ты поверила соседке? — спросил Добромысл.

— Нет... но совестно мне, Добромысл. Люди смотрят. И я глянула в твою сторону и подумала: а вдруг и правда?

— Подумала и что?

— Заплакала.

— А теперь смотри на меня. Видишь что?

— Глаза ... тёплые.

— А у соседкиного мужа глаза какие?

— Пустые... он ругает соседку каждый вечер, что та ра-

ботает мало.

— Копейка пустоту не зальёт, Милонегу. И полушубок — тоже. Ты на меня, на человека, смотри, а не на чужие закрыта. А стыд — он от зависти. Скажи зависти: «Сиди, злая, на лавке, не лезь к сердцу». А завтра отдадим нищему последнюю краюху — посмотрим, что будет.

Так и сделали утром. А в полдень купец сам принёс им мешок муки: «Твоя честность, Добромysl, лучше расписки».

И тут второе чудо случилось. С того самого дня Милонегу перестала уставать. Раньше она гнула спину над квашнёй, стирала, пряла — и к вечеру валилась с ног. А теперь возьмёт в руки прялку — и сама песню затянет. И песня такая звонкая, будто ручей по камням бежит. Тесто у неё поднималось в два счёта, рубахи стирались как будто сами собой, а в избе всегда пахло свежим хлебом и чабрецом. Соседки приходили послушать её пение — и от этого у них работа тоже спорилась. Одна говорила: «Милонегу поёт — у меня и квас сам бродит». Другая: «Её песню услышишь — так и ведра из колодца легче тянуть». Даже старые деда на завалянке говорили: «Это не она поёт, это сама Истина её голосом радуется».

Сосед и чудо доброго сердца.

Ручей тёк от леса к полю Добромысла. На том поле он сеял рожь. И всегда урожай был добрый, знатный, ладный. А в один день заметил Добромysl: вода не журчит. Земля сухая. Рожь поникла.

Он поднялся вверх по ручью. Видит: русло перекопано, вода уходит в сторону, на поле соседа Ладони. Никто ему не жаловался, Ладонь молчал, делал вид, что всё так и раньше было.

Добромysl постоял, подумал: «Не неводом же ловить во-ра. Пойду прямо к нему».

Взял туесок мёда, перешагнул через перекоп, пошёл к Ладони. Тот сидел на крыльце, в землю смотрел.

— Здорово, Ладонь. — Добромysl сел рядом. Спросил негромко: — Воды тебе мало стало? Али поле твоё сохнет снизу?

Ладонь покраснел.

— Моя вода. К моему полю с верховья раньше бежала, не как теперь, чего ж тебе? Ты сверху, я снизу. Я просто русло поправил, по справедливости.

— По какой такой справедливости? Мы оба князю оброк платим с полей. Земля общая, а вода сверху идёт — ничья. Ты её не создал, Ладонь. Ты её кривдой забрал. И не у меня — у Правды.

— Не учи, Добромysl! Ты в прошлый год не помог мне крышу чинить — я один маялся.

— Я не помог, потому что лежал с ломотой. А ты не спросил — молча обиду затаил. Теперь ручей перекрыл. Воду мне — и от обиды, да и от жадности. Правильно?

Ладонь молчал. Потом сказал тихо:

— Правильно... прости.

— Что ж «прости». Воду открой. А на будущее — приходи и говори прямо. Ручей перекроем вместе, если надо. А ворует — ты сам у себя крадёшь. Совесть — не вода, её не перекроешь.

Ладонь открыл ручей. Рожь выпрямилась.

И тут третье чудо свершилось. Ладонь не просто открыл воду — у него внутри будто дверь отворилась. Перестал он жадничать. Раньше у него каждая крошка была на счету, а теперь он сам стал раздавать милостыню нищим. А главное — он перестал ругаться со своей женой. Пришёл домой и говорит: «Дуняша, прости меня за все эти годы». Жена от удивления квашню уронила. А потом заплакала и обняла его. С того дня Ладонь и жена жили душа в душу, а соседи удивлялись: «Это тот самый Ладонь, который из-за гвоздя скандал на три дня затевал?» Да, тот самый. Только теперь у него на воротах висел туесок с мёдом, да и хлеб — заходи, добрый человек, не стесняйся. И никто уже не помнил, что когда-то он воду воровал. А ручей с той поры полноводнее стал и журчал так весело, что даже птицы слетались послушать.

Волхв и чудо прозрения.

Однажды пришёл в деревню волхв. Не простой — с медвежьей шкурой, с посохом, глаза холодные. И сразу: «Где здесь старший?». Нашёл старшину, исполнил требы, а потом бродил по улице, ни с кем не говорил. Шёл он мимо Добромысла, который пахал поле в мокрой от пота рубахе, и так скривился, будто в навоз наступил.

— Смерд! — бросил. — Не подходи ко мне, грязный.

Мужики ахнули: волхв Добромысла при всех оскорбил, и за что? Добромысл же ничего ему не сделал.

Добромысл вытер руки, положил на бересту кашу, которую ему Милонегга с собой в поле собрала, чтобы волхва покормить, отошёл на десять шагов.

— Волхв, голод знает звания? Твой живот знает, кто пахал?

— Молчи, червь! Я жрец — ты прах.

— Тогда скажи: почему ты злой? Кто тебя обидел? Я ли?

Волхв замер. А потом лицо дёрнулось — из холодного стало старым и усталым.

— Спросил... — выдохнул он. — Два дня иду, никто не спросил: «Отче, что с тобой?» Только «освяти», «предскажи», «вылечи». Ты один спросил: «Почему я злой?»

— Потому что злость не от медвежьей шкуры, — сказал Добромысл. — Она от боли. Расскажи, если хочешь.

— Скончался мой старец. Наставник. И я остался... один. И теперь учу других, а сам не всегда верю. Ты не жрец, а увидел мою боль. Как?

— Потому что землю пашу. Она терпит всех — и жреца, и пахаря. И тебя, когда ты злой, она тоже терпит. Иди поешь, волхв. Потом поговорим. А шкуруними — земля не любит лишней шерсти.

Волхв снял шкуру, сел на траву и заплакал. После каши поклонился:

— Прости, пахарь. Ты вернул мне меня.

— Не меня благодари. Правду благодари. Она одна — и в поле, и в сердце.

А потом случилось четвёртое чудо — самое тихое. Волхв ушёл, но не в лес, а к себе на капище. И начал он учить людей не страшным заклинаниям, а тому, что Добромьсл ему сказал: «спрашивай про боль, а не про вину». Люди шли к нему с тяжёлым сердцем, а возвращались лёгкие, будто крылья за спиной выросли. И сам волхв перестал носить медвежьё шкуру — ходил в простой рубахе, палкой подпираясь, как странник. А когда его спрашивали: «Ты ли тот грозный жрец?» — он улыбался: «Был, да сплыл. Теперь я просто дед, которого земля терпит».

Уход и завет.

А, когда состарился, Добромысл ушёл из жизни с именем Бога на устах, душа его вознеслась в царство божие, а люди ещё долго вспоминали его. Перед уходом Добромысла сын спросил:

— Как ты, батюшка, всегда правду видел? И почему люди сами тебе её открывали?

— Я не видел, сынок. Я просто не боялся спросить. Жена молчит — спросил. Вода пропала — пошёл глядеть. Волхв орёт — спросил про боль. Вопрос — это соха. Ответ — земля. Без сохи не вспашешь. И ты спрашивай не строго, а с любовью. И не мешай Правде самой дать ответ.

И когда он закрыл глаза, над избой поднялся светлый столб — не дым, не огонь, а сама Истина. Её видели все, даже слепые. И те десять яблонь, что посадил Будимир, в тот же миг расцвели снова — уже на весь мир.

А дети тех людей до сих пор рассказывают друг другу эту сказку. И если услышат её внимательно — то замечают, что одно чудо остаётся всегда: честный разговор может перевернуть сердце быстрее, чем любое волшебство.

Загадка для пытливого сердца.

(Почему в Век Истины всё так и было?)

Ты спросишь, дорогой читатель: «Разве бывают такие чудеса — чтобы яблоня за ночь выросла, а песня сама работу делала? Да, чтобы и добро сердце человека от одного разговора заполняло?».

Отгадка, которую лучше всех тебе мама объяснит.

В наше время — нет. А в Век Истины — бывали. И не потому, что люди тогда были волшебниками. А потому, что тонкое (душа, слово, справедливость) прямо управляло плотным (землёй, водой, деревьями).

Качества того века Истины— вот какие:

Время. Само время было не торопливым и не жёстким. Оно не давило, а ждало. Человек мог подумать три дня — и ничего не случилось плохого. Утро не бежало за вечером, а встречало его как друга. Год длился ровно столько, сколько нужно для созревания зерна — и ни дня больше.

Люди. Главное качество человека Века Истины — он не лгал. Даже когда выгодно было солгать — не мог. Язык не поворачивался. Потому что ложь в те времена сразу меняла погоду: если кто обманывал, над его домом чернело небо. Поэтому люди быстро учились говорить Правду.

Второе качество — бесстрашие перед бедностью. Человек не считал себя бедным, если у него были чистый ручей, доб-

рое слово и спина, готовая пахать. Деньги были, но они не командовали. Случалось, что купец платил за товар втридорога просто потому, что продавец улыбнулся ему по-настоящему.

Третье качество — умение слушать. Не ушами, а сердцем. Когда Добромысл слышал: «Устала», он понимал: «Мне больно, но я боюсь сказать». Люди слышали не слова — а то, что за словами. Поэтому ссоры заканчивались в начале, а не в середине.

Община. Деревня в Век Истины была не толпой соседей, а одной семьёй. Если у одного горел овин — тушить бежали все, хватали и вёдра, и шапки. Если у одного рожь выросла — её не прятали, а говорили: «Вот, смотри, я такую же сеял, давай меняться семенами». Община не знала зависти. Точнее, она её знала, но лечила тут же: кто позавидовал, тот сам приходил и говорил: «Завидую тебе, злomu на меня, прости». И зависть уходила, как вода в песок.

Природа. Время и Истина управляли природой. Когда люди говорили Правду — деревья росли быстрее. Когда же на пела от сердца — тесто поднималось без дрожжей. Когда сосед прощал обиду — ручей сам находил нужное русло. Природа была не «окружающей средой», а живым зеркалом человеческой души. Засуха случалась не от того, что дождя не было, а от того, что в чьей-то душе пересохла жалость к другим. Молния ударяла не в колокольню, а в дом лжеца. И все это знали.

Вера. В тот век у веры было четыре опоры: правдивость, милосердие, терпение, и щедрость. Сейчас только щедрость осталась, да и то не у всех и не всегда.

Поэтому чудеса в сказке — не выдумка. Это просто естественный порядок Века Истины, где Правда, Истина держала мир на своих плечах, как отец держит сына.

Сравнение с сегодняшним днём.

В наши дни человек многого боится, а больше всего, что его обманут. Он проверяет, перепроверяет, смотрит в оба. А в Век Истины человек боялся другого: вдруг он сам кого-то обманет? Потому что обмануть другого значило обмануть самого себя.

Сегодня, чтобы получить хороший урожай, надо много удобрений, химии — земля без этого почти не родит. А в Век Истины главным удобрением было чистое сердце хозяина. Где пахарь жил по Правде, там и рожь сама в рост шла. Вся природа ей помогала.

Сейчас, если спор, люди бегут в суд. Пишут бумаги, зовут свидетелей, иногда лжесвидетелей. А тогда спор решала совесть. Сядут двое на траву, помолчат, заглянут через глаза в сердце друг друга — и один честно скажет: «Неправ я». И всё. Никому не надо было доказывать, что земля круглая.

Для нас чудо — это нарушение законов природы. Камень летит вверх, вода не мокнет — вот это чудо. А в Век Истины чудом считалось не нарушение, а самое полное следование сокровенному закону природы. Когда яблоня за ночь выросла — это не закон сломали. Это закон, который мы сейчас забыли, наконец показал себя.

И, главное, о людях. Сейчас соседи ссорятся из-за межи: два сантиметра туда, два сюда — и война на три года. А в

Век Истины люди мирились из-за одного взгляда. Посмотри один на другого, увидит в глазах боль — и вся обида уходит, как утренний туман. Потому что межа была на земле, а взгляд — в душе. И душа была важнее.

Вот так жили. И сказка эта — не выдумка, а память. Память о том, что человек может быть лучше, чем он есть. И однажды снова будет.

Вот и вся сказка про Добромысла. Он не был святым, не творил чудес нарочно. Он просто жил по справедливости в те времена, когда справедливость была сильнее придуманного закона.

А теперь спроси себя, слушатель: «Если бы я жил в Век Истины, узнал бы меня Добромысл? Или прошёл бы мимо?»

Если узнал бы — значит, частичка того времени живёт в тебе до сих пор. Если нет — не беда. Век Истины снова вернётся. Говорят, он приходит каждый раз, когда один человек честно смотрит в глаза другому и спрашивает: «Почему ты грустишь?» — а потом ждёт ответа, не перебивая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.